

Колдушко Анна Анатольевна

ПРЕОДОЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ТРАВМЫ РЕПРЕССИЙ 1937-1938 ГГ.: ХАРАКТЕРИСТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ И РЕКОНСТРУКЦИЯ НА ОСНОВЕ ИСТОЧНИКОВ АРХИВНО-СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЛА (НА ПРИМЕРЕ А. К. ГАМПЕРА)

Статья посвящена проблемам преодоления социальной (культурной) травмы в период массовых политических репрессий 1937-1938 гг. Проводится анализ преимуществ и недостатков исторических источников, при этом особое внимание уделяется документам архивно-следственных дел. Автор приводит программу исследования, выделяя его главные этапы. На основе писем в государственные органы, сосредоточенных в архивно-следственном деле А. К. Гампера, реконструируется индивидуальная траектория преодоления социальной травмы.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/10/29.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 10(72) С. 111-113. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/10/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 94(47).084.6

Исторические науки и археология

Статья посвящена проблемам преодоления социальной (культурной) травмы в период массовых политических репрессий 1937-1938 гг. Проводится анализ преимуществ и недостатков исторических источников, при этом особое внимание уделяется документам архивно-следственных дел. Автор приводит программу исследования, выделяя его главные этапы. На основе писем в государственные органы, сосредоточенных в архивно-следственном деле А. К. Гампера, реконструируется индивидуальная траектория преодоления социальной травмы.

Ключевые слова и фразы: социальная травма; культурная травма; идентичность; идентификация; «немецкая» операция; национальные операции; политические репрессии; большой террор; историческая память; сталинизм.

Колдушко Анна Анатольевна, к.и.н.

*Пермский национальный исследовательский политехнический университет
koldushko@mail.ru*

**ПРЕОДОЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ТРАВМЫ РЕПРЕССИЙ 1937-1938 ГГ.:
ХАРАКТЕРИСТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ И РЕКОНСТРУКЦИЯ НА ОСНОВЕ ИСТОЧНИКОВ
АРХИВНО-СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЛА (НА ПРИМЕРЕ А. К. ГАМПЕРА)**

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 16-21-19002.

Проблемы коллективной памяти, социальной травмы и ее преодоления прочно вошли в научный дискурс. Медицинский термин «травма» применительно к исследованиям в сфере социальных изменений впервые использовали социологи [2; 3; 8; 13; 14; 16]. В настоящее время понятия «социальная травма», «культурная травма» активно используются культурологами и историками [1; 4; 6; 12]. Как отмечает Л. П. Репина, «концептуальная связка “память – идентичность – травма” сегодня является одним из наиболее востребованных инструментов социально-гуманитарного анализа» [10, с. 9]. Отметим, что научные труды, посвященные проблемам исторической памяти, преодолению социальной травмы, в большей степени сосредотачивают внимание на теоретических, концептуальных, методологических конструктах [2; 4; 11; 14]. Каналы формирования исторической памяти, преодоления социальной травмы целых поколений только начинают изучаться, соотносясь с крупнейшими социальными катастрофами XX века (см., например: [4; 5; 12]).

С нашей точки зрения, немалый научный интерес представляют индивидуальные траектории преодоления социальных травм отдельных индивидов, из которых, в свою очередь, формируется травма коллективная.

С помощью каких источников мы можем отследить и интерпретировать состояние культурной травмы и варианты ее преодоления? Прежде всего, это личный пережитый опыт информантов. Второй компонент – информационный массив, описывающий рефлексивные практики (т.н. «проговаривание» травмы, т.е. как этот опыт пережит). В качестве источников здесь могут быть представлены «письма во власть», воспоминания, поздние «передпросы», когда спустя длительное время бывшие арестанты допрашиваются вновь, материалы реабилитации и др. Третий компонент – интервью с детьми, внуками репрессированных, в которых травматические воспоминания носят уже опосредованный характер, интерпретируются последующими поколениями (т.н. “postmemory”) (подробнее см., например: [15]).

Безусловно, в контексте поставленных задач наиболее эффективным для использования был бы социологический инструментарий: интервью, опросы и пр. Однако очевидно, что спустя почти 80 лет после большого террора провести интервью с самими репрессированными не представляется возможным. В этой связи для автора является единственно возможным обратиться к анализу исторических источников – к архивно-следственным делам.

Архивно-следственные дела – особый комплекс, сосредотачивающий в себе большой массив разнообразных документов. В основном это строго формальные официальные документы: протокол допросов, ордер на арест, на обыск, обвинительное заключение, приговор и пр. Вместе с тем архивно-следственные дела могут стать уникальным историческим источником для изучения процессов преодоления социальной травмы. Личностная компонента, позволяющая уловить признаки социальной (культурной) травмы, маркеры ее преодоления присутствуют и в предельно формализованных архивно-следственных делах.

Источник, о котором идет речь, – т.н. «письма во власть». «Письма во власть», как отмечает А. Я. Лившин, – «один из наиболее интересных примеров “говорящих”, текстово-речевых источников, отражающих культурный опыт предшествующих поколений наравне с типами повседневных политических, социальных и личностных взаимодействий» [7, с. 128]. Как полагаем, ряд таких писем, направленных в органы власти в разное время одним и тем же человеком, позволяет провести анализ преодоления социальной травмы – репрессии.

Итак, предметом нашего исследования является изучение культурной (социальной) травмы и ее преодоления в условиях расколотой идентичности в СССР на примере политических репрессий 1937-1938 гг. Речь идет о разрушении идентичности в условиях перехода от традиционного общества к эпохе модерна.

Идентичность человека в традиционном обществе представляется целостной: все социальные роли и статусы, место его в социальной иерархии являются истинными, соответствующими «сущности» индивида. К примеру, если человек относит себя к интеллигенции, то он имеет весь «набор» элементов данной идентификации: профессию, должность, жилье, соответствующее статусу, имущество (картины, книги, которые он собирает по собственному вкусу); особые практики, символы, речевые образцы. В условиях же перехода к модерну идентичность разрушается, распадаясь на мелкие осколки – элементы идентичности, которые обычно называют идентификациями. Идентификации условно можно разделить на группы и институты. К группам можно отнести семью, общность, этнос, конфессии и др. Под институтами мы в данном случае подразумеваем профессию, партийность, гражданство (чаще всего, применительно к нашему исследованию – «советскость», образ советского человека).

Один и тот же человек в условиях перехода к современному обществу может обладать несколькими идентификациями: идентифицируя себя с семьей или этносом, он может приобретать институциональные идентификации – быть гражданином, членом партии.

Таким образом, *первым* этапом исследования должен стать поиск этих обломков идентичности – идентификаций. *Второй* этап исследования – поиск самой социальной (культурной) травмы, ее сути. Социальная травма заключается собственно в утрате имеющихся идентификаций: потеря социального статуса, семьи, отсутствие возможности отправлять религиозные культы и т.д. Взамен возможно приобретение черт «советскости»: усвоение новых символов, речевых образцов, новой реальности в целом.

Третий этап – изучение посттравматических состояний – вариантов «проживания травмы», ее преодоления. Преодоление травмы может быть реализовано в пассивных и активных формах: *пассивные*: в ее отрицании, бегстве от нее, обращении к паттернам традиционного общества; *активные* – инновация: быстрое приспособление к новому, усвоение новых образцов поведения в обществе, новых норм и ценностей, символов.

Реконструкция. На основе предложенных этапов рассмотрим казус Антона Карловича Гампера, инженера, преподавателя, в 1950-е гг. заведовавшего кафедрой начертательной геометрии и графики Молотовского горного института.

До января 1938 года А. К. Гампер был вполне успешным, уважаемым, состоявшимся человеком. Родился в 1877 г. в Москве, получил высшее техническое образование по специальности инженер. В 1911 г. переехал на Урал. До революции работал инженером при уездной земской управе сначала в Осе, потом в Перми. Пережил приход Колчака в Гражданскую войну: отчаянно сражался за сохранение имущества технического училища (бывшего реального училища), спас дорожную лабораторию. Он весьма удачно смог приспособиться к изменениям, произошедшим с приходом Советской власти: стал работать инженером дорожного участка, затем заведовал строительным отделением, а после перешел на преподавательскую работу. Именно он стоял у истоков создания ныне существующего в г. Перми авиационного техникума. Пережил два ареста органами ЧК-ОГПУ в 1920 и 1922 гг. по подозрению в принадлежности к партии эсеров, но вскоре был освобожден¹. С 1936 г. до момента ареста в 1938 г. работал в Пермском педагогическом институте, преподавал начертательную геометрию. Как видим, перед нами – вполне успешный, состоявшийся человек.

Разгром семьи: «немецкая операция»

Все рушится в один миг. Дело в том, что А. К. Гампер по национальности немец, и в рамках национальной операции по «немецкой» линии он и вся его семья были арестованы: 18 мая 1937 г. – сын Георгий, работавший инженером по подстанциям Северо-Западного района Уралэнерго [9, д. 10366], в декабре 1937 г. – старший сын Евгений, возглавлявший электроотдел Краснокамской фабрики Гознак [Там же, д. 12166], была арестована и дочь Инга, имевшая на тот момент грудного ребенка [Там же, д. 12116, л. 75]. Далее «взяли» жену – Эмилию Эдуардовну [Там же, д. 2378], а потом арестовали и самого Антона Карловича. Репрессивная машина сработала довольно быстро и жестко: оба сына к январю 1938 г. уже были расстреляны, лишь дочь отпустили. Отцу в тех обстоятельствах, можно сказать, повезло.

Первый допрос Гампера состоялся 28 января 1938 г., он признал себя виновным в том, что являлся руководителем немецкой шпионско-диверсионной террористической организации. В протоколе сообщалось, что Гампер передавал немецкой разведке материалы о пермской авиашколе, количестве курсантов, количестве и марках самолетов и др. [Там же, д. 3036, л. 6]. В архивно-следственном деле имеется и обвинительное заключение по ст. 58 п. 6 и 11 за подписью начальника Пермского ГО НКВД Былкина [Там же, л. 8]. В октябре 1938 г. его допрашивают по автобиографическим данным, о родственниках за границей, по поводу арестов 1920 и 1922 гг., а в ноябре 1938 г. он отказывается от показаний, данных им на первом допросе: «Эти показания я подписал на допросе по требованию следователя, но я их не читал и до сего дня не знал, что там написано» [Там же, л. 14]. 21 ноября 1938 г. выходит постановление о прекращении следственного дела, А. К. Гампер был выпущен из Нижне-Тагильской тюрьмы [Там же, л. 17].

Борьба за имущество

После освобождения у А. К. Гампера не было абсолютно ничего – ни квартиры, ни имущества, не во что было даже переодеться. Первое время вместе с женой Эмилией Эдуардовной, которую тоже освободили, жили у знакомых. Оказавшись на свободе, он немедленно включается в тяжбу за квартиру и утраченное имущество. По поводу их возвращения Гампер пишет жалобы во всевозможные инстанции (НКВД, прокуратуру, в партийные и советские органы), пишет письма на имя Сталина, Калинина, Шверника, в конце концов, обращается в суд с иском заявлением, доходит вплоть до Верховного Суда СССР.

¹ Эти аресты не носили характера социальной травмы, не были отрефлексированы и закреплены в источниках.

Анализ этих писем дает нам основания считать, что главным травмирующим фактором для Гампера стала *утрата имущества*. До ареста Гампер проживал в трехкомнатной квартире с ванной, как он пишет в июне 1957 г.: «моя старая квартира в три комнаты с ванной (*самое главное!* – прим. А. К.) была спокойная и теплая» [Там же, д. 12116, л. 78]. Он хлопочет о возвращении пианино, виолончели, книг, картин, столового серебра, украшений. В данной ситуации очевидна апелляция к приватной автономии городского жителя начала XIX века, т.е. к традиционной идентичности. Это для него важно: он выбирал картины, украшения, книги по своему вкусу, а не следуя нормам массового потребления советского общества. В целом, анализ текстов писем показал, что символика «советскости» им не усвоена. В них он не говорит ни о коллективе, ни о партии. Упоминается единственная апелляция к решениям XX съезда КПСС [Там же, л. 77]. Он придает высокое значение публичной идентификации, статусности: просит вернуть ему возможность возвращения в профессию [Там же].

Таким образом, мы видим, что переживание социальной травмы у Гампера реализовано в большей степени посредством стратегии ретритизма (по Р. Мертону) [8], он цепляется за обломки прошлой жизни, стремится укрыться от травмы. Этот процесс происходит на фоне крушения семьи, деградации институтов и маргинализации.

Список литературы

1. Аарелайд-Тарт А. Теория культурной травмы (опыт Эстонии) // Социологические исследования. 2004. № 10. С. 63-72.
2. Айерман Р. Социальная теория и травма // Социологическое обозрение. 2013. Т. 12. № 1. С. 121-138.
3. Александр Дж. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012. № 3. С. 5-40.
4. Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
5. Гучинова Э.-Б. Рисовать лагерь: язык травмы в памяти японских военнопленных о СССР. Sapporo, 2016. 220 с.
6. Копосов Н. Память строгого режима. История и политика в России. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 320 с.
7. Лившин А. Я. Власть и общественные настроения послереволюционной эпохи (по письмам во власть) // Куда идет Россия? Власть, общество и личность: международный симпозиум (17-18 января 2000 г.) / под общ. ред. Т. И. Заславской. М., 2000. С. 128-134.
8. Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социология преступности (современные буржуазные теории): сб. ст. / под ред. Б. С. Никифорова. М.: Прогресс, 1966. С. 299-313.
9. Пермский государственный архив новейшей истории. Ф. 641/1. Оп. 1.
10. Репина Л. П. Опыт социальных кризисов в исторической памяти // Кризисы переломных эпох в исторической памяти: сб. ст. / под ред. чл.-корр. РАН Л. П. Репиной. М., 2012. С. 3-37.
11. Рюзен Й. Кризис, травма и идентичность // Цепь времен: проблемы исторического сознания: сб. ст. / отв. ред. Л. П. Репина. М., 2005. С. 38-63.
12. Травма: пункты: сб. ст. / сост. С. Ушакин и Е. Трубина. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 903 с.
13. Хлевнюк Д. Бернад Гизен. Триумф и травма // Социологическое обозрение. 2010. Т. 9. № 2. С. 112-117.
14. Штомпка П. Социальное изменение как травма (статья первая) // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6-16.
15. Hirsch M. The Generation of Postmemory: Writing and Visual Culture after the Holocaust. Columbia University Press, 2012. 443 p.
16. Smelser N. J. Psychological Trauma and Cultural Trauma // Alexander J. C., Eyerman R., Giesen B., Smelser N. J., Sztompka P. Cultural Trauma and Collective Identity. Berkeley: University of California Press, 2004. P. 31-59.

OVERCOMING SOCIAL TRAUMA OF REPRESSIONS OF 1937-1938: RESEARCH DESCRIPTION AND RECONSTRUCTION ON THE BASIS OF THE ARCHIVAL-INVESTIGATORY CASE (BY THE EXAMPLE OF A. K. GAMPER)

Koldushko Anna Anatol'evna, Ph. D. in History
Perm National Research Polytechnic University
koldushko@mail.ru

The article focuses on the problem of overcoming social (cultural) trauma that was acquired in the period of mass political repressions of 1937-1938. The author analyzes the advantages and shortcomings of historical sources paying special attention to the documents of archival-investigatory cases. The researcher provides the schedule of her research identifying its main stages. On the basis of letters to state bodies accumulated in A. K. Gamper's archival-investigatory case the paper reconstructs an individual trajectory to overcome social trauma.

Key words and phrases: social trauma; cultural trauma; identity; identification; “German” campaign; national campaigns; political repressions; Great Terror; historical memory; Stalinism.